

ЭСТЕТИКА НЕОЖИДАННОГО В БЕЛОРУССКИХ БЫЛИЧКАХ

Т. В. Лукьянова

*Кандидат филологических наук, доцент,
Белорусский государственный университет,
пр-т Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lukjanava@gmail.com*

Объектом анализа в статье является быличка – жанр фольклорной сказочной прозы. Эстетика белорусских быличек рассматривается в непосредственной связи с их поэтикой. Эстетическое отношение фольклорного «автора» к героям быличек, переживающим мистический случай, выражается в произведениях с помощью образной и речевой детализации, которая вызывает соответствующие сильные эмоции и у слушателя – неожиданное столкновение со сверхъестественным представляется пугающим, опасным, нежелательным.

Ключевые слова: эстетика фольклора; эстетика неожиданного; фольклорная сказочная проза; жанровая картина мира; быличка.

ЭСТЭТЫКА НЕЧАКАНАГА Ў БЕЛАРУСКИХ БЫЛІЧКАХ

Т. В. Лук'янава

*Кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр-т Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, lukjanava@gmail.com*

Аб'ектам аналізу ў артыкуле з'яўляецца былічка – жанр фальклорнай няказкавай прозы. Эстэтыка беларускіх былічак разглядаецца ў непасрэднай сувязі з іх паэтыкай. Эстэтычныя адносіны фальклорнага «аўтара» да герояў былічак, якія перажываюць містычны выпадак, выражаюцца ў творах з дапамогай вобразнай і маўленчай дэталізацыі, якая выклікае адпаведныя эмоцыі і ў слухача – нечаканае сутыкненне са звышнатуральным прадстаўляецца страшным, небяспечным, непажаданым.

Ключавыя словы: эстэтыка фальклору; эстэтыка нечаканага; фальклорная няказкавая проза; жанравая карціна свету; былічка.

THE AESTHETICS OF THE UNEXPECTED IN BELARUSIAN EPICS

T. V. Lukyanova

*PhD, Ass. Professor,
Belarusian State University,
4 Independence Avenue, 220030, Minsk, Belarus, lukjanava@gmail.com*

The object of the analysis in the article is the bylichka, a genre of folklore non-fairy tale prose. The aesthetics of Belarusian bylichka is considered in direct connection with it poetics. The aesthetic attitude of the folklore «author» to the heroes of the bylichka experiencing a mystical case is expressed in the texts with the help of figurative and verbal detail, which causes corresponding strong emotions in the listener as well – an unexpected encounter with the supernatural seems frightening, dangerous, undesirable.

Keywords: aesthetics of folklore; aesthetics of the unexpected; folklore non-fairy tale prose; genre picture of the world; bylichka.

Эстетический анализ фольклора как искусства слова возможен только в тесной связи с его поэтикой и спецификой эстетического восприятия. Об этом говорил ещё В. Е. Гусев в своей книге «Эстетика фольклора» (1967). В. М. Конон, исследовавший белорусскую эстетику, философию и искусство, не сомневается в том, что «белорусский фольклор в своей классической завершенности – это развитое искусство, которое самобытно и тонко раскрыло свою эстетику в диапазоне основных эстетических категорий – прекрасного и безобразного, возвышенного и низкого, трагического и комического» [1, с. 283]. Эстетику фольклора ученый рассматривает в неразрывной связи с народной этикой.

Эстетические и этические представления народа выражаются в фольклорных произведениях как непосредственно, через характеристики персонажей, определенную оценку событий и явлений, так и опосредованно, через всю систему художественно-образных средств, в том числе художественной речи, обусловленных конкретной жанровой поэтикой.

Эстетика и поэтика белорусских быличек ориентирована на «мистико-мифологическую» картину мира. Вера в существование рядом с человеком других, сверхъестественных существ и сил, истоки которой находятся в первобытной мифологии, обусловила «мистико-мифологическое» восприятие мира при создании быличек. В художественном мире былички духи и демонические существа существуют рядом с человеком. Эти существа (которые с приходом христианства получили название «нечистая сила») обитают в том же самом пространстве, что и люди, поэтому нередко вступают с ними в контакт. Отношения между «нечистой силой» и людьми имеют разнообразный характер. Это могут быть добрососедские отношения, основанные на взаимоуважении и выполнении определенных обязанностей перед другой стороной (например, между домовым и хозяином дома). Но чаще это конфликтные ситуации, когда нарушение человеком территориальных границ или определенных правил поведения приводит к враждебным действиям со стороны духов. А иногда это просто козни «нечистиков». Так или иначе, но контакты с «нечистой силой» в народном представлении всегда опасны для человека, а потому нежелательны.

Сосуществование сверхъестественных существ и людей, разнообразные отношения между ними являются смысловым центром картины мира былички и источником ее сюжетов: «У нас во, у суседа, у Цітаўцы, русалку паймалі ў лесе: на лядзе ў барану ўвязла. Дык ён аслабаніў і прывёў дамоў... Дык год аджыла. І нічога не есць;

толькі як гаршкі вымаець, дык пары хап-хап з гаршка. А тады завыва: “Дружачкі-падружачкі, вазьміце мяне”. І ў лес...” [2, с. 175].

Быличка, в отличие от других прозаических жанров, особым образом представляет пространство – в виде определенных локусов, выделение которых зависит от места «жительства» тех или иных «нечистиков» или высокой частотности встреч с ними: лес, болото, река, мост, усадебные постройки, перекрестки дорог, кладбища и др.: «Ехалі вечарам з кірмашу людзі з нашага сяла. Бачаць яны: бяжыць дарогаю баран. Яны з ім – баран далей. Вот, здаецца, ужэ саўсім дагналі, можна злавіць – не, закруціцца нек і ўцячэ. Бегалі яны, бегалі, змардаваліся чыста. Вот адзін чалавек і гаворыць: “Мусіць, чорт гэта, а ні баран”. Дык у тую самую мінуту і прапаў той баран» [2, с. 154].

Время в быличках представлено преимущественно как суточное: вечер, ночь, рассвет, полдень и т. д. Иногда связанное с каким-либо календарным праздником или периодом: «Русалкі на гронай нядзелі катаюцца. За гэтым самым у нядзелю ніхто не ходзе ў лес, – бач, апасаюцца. Раз адна маладзіца ішла на гэтай нядзелі з Царкавішча ў Прыбар з гасцей ад маткі. Ну, матка яе й праводзіла. Увайшлі ў лес, а яна з лесу на дарогу і выбегла, і скачыць-скачыць. А тады на бярэзну ўскочыла і давай гутатахацца: гутата-гуляля! Яны як спужаюцца, да назад...” [2, с. 174].

Сюжеты быличек по сравнению с другими жанрами сказочной прозы отличаются высокой напряженностью, так как рассказывают о необычном, таинственном, опасном, неожиданно случившемся в жизни героев. В художественном мире быличек, как правило, два типа персонажей: обычные люди и сверхъестественные существа либо люди, наделенные магическими способностями – чародеи, ведуны, ведьмы, знахари. Представители «нечистой силы» могут выступать открыто, а могут скрывать свой истинный облик, принимая вид какого-либо животного, предмета или человека. Иногда их присутствие обозначается только через разного рода чувственные проявления: необычные звуки, огни, движение воздуха и т. п.: «Наша бабуля... расказывала, што так была. Былі сьвятыя вечары. Ну і вечарам адна там ніткі круціла. І чуе: зашумела нешта кала вокнаў у яе, і так ужо страшна. Яна быстрэй дзверы закрыла на кручок, і гэтыя дзверы сталі раскрывацца. ...яна... давай маліцца. І ўсё роўна, там ужо хата так прама дрыжыць. А ў яе былі маткі нітак, наматаныя віселі. Яна як закрыла етыя, і ружанец павесіла на дзверы, на клямку. А чуе на ўліцы нехта кажа: “Маток сьвятыя скручаны, адкрыў нам!” І эты маток падае з жэрдкі, і яна глядзіць, што... сунецца па зямлі... Так яна етую кніжку сьвятую палажыла перад ім, і астанавіўся гэты маток, і так эта ўсё разыйшлося... Гэта праўда. Неможна сьвятам нічога рабіць, патаму што відзіца, што было» [4, с. 431].

Экспозиция быличек нередко содержит краткую «предысторию» с пояснительными элементами, которая знакомит слушателя с обстоятельствами, при которых произошло какое-то происшествие: «Мы спрэжда былі багаты, было ў нас трыццаць коней. Наканец таго заступілі памешчыкі з Масквы, асталась з трыццаці тры толькі. ...А нас было шэсць братоў, сёмая сястра. Цяперака апец наш заскучаў, патаму не хватае нам на пракармленія...» [2, с. 171]. Или представляет собой более короткий вариант, указывающий только на время и место действия: «Вот раз, у піліпаўку... пашоў бацька наш пасля абеда ... ўва'він, памаліўся богу і лёг спаць. Скінуў шубу,

паклаў у галаве, сам абпёрся на руку і задумаўся аб сваім хадзяйстве, што негдзі чаго ўзяць...» [2, с. 171].

Завязка характеризуется неожиданностью: «Удруг яўляецца яму старык: куртка чорная, пояс чорны, на галаве каўпак...» [2, с. 171]; «Адна кабета ... перастала абсарваваці шчодрыя вечары. Праля яна, прала раз, аж да паўночы. Удруг чуе, што нехта стукае ў вакно...» [2, с. 145].

События развиваются стремительно и заканчиваются, как правило, краткой, сдержанной развязкой: «А нашыя мужчыны назаўтрае на адным вале дамоў прыбіліся» [2, с. 157]. В заключение могут использоваться выражения, которые подчеркивают эмоции от пережитого, типа: «Страхата, не прывядзі бог!» [2, с. 174], или еще одно завершение слушателей в правдивости рассказа: «Дак от гэта нам расказвала жанчына ў Смуроцку да й бажылася, што праўда» [2, с. 209]; «Вы не верыце, а я бачыла сама, далібо-ж тоі» [2, с. 232].

Сюжетообразующий компонент, находящийся в центре действия быличек, на первый взгляд, носит характер происшествия. Действительно, герои подавляющего большинства произведений оказываются в ситуации столкновения с чем-то необычным и страшным впервые и единоразово. Результаты происшествия обычно касаются жизни только этих героев. Например, героиня одной из быличек нашла в лесу голого ребенка. Пожалев его, женщина прикрыла ребенка своей одеждой. Оказалось, что тот принадлежал русалке, которая в благодарность за человеческую доброту наделила женщину ловкостью в работе: «З тае пары яна пачала так працаваць, што ўсе дзівіліся, адкуль у яе бяруцца сілы» [2, с. 174]. Однако если рассматривать это происшествие в контексте других произведений данного жанра, становится очевидным, что схожие происшествия происходили с героями многих других быличек. Они повторяются, а это значит, что слушатели и персонажи художественного мира произведений имеют дело с типичными случаями. Более того, осознание этого проявляется и на уровне рассказчика.

Сознание носителей устнопоэтической традиции содержит в себе набор прецедентных ситуаций (например, нечисть заманивает на гибель, ведьма вредит и др.), в соответствии с которыми создаются и воспринимаются былички. Рассказчик знает, что случаи столкновения человека со сверхъестественным бывали и раньше, и то, о чем он рассказывает, – один из таких случаев. Подтверждением могут служить итоговые замечания типа: «Дак от як нячыстая сіла здэкуецца да дурыць людзей» [2, с. 156]; «Во якія кепікі з людзей строіў тут калісьці нячысцік» [2, с. 158]; «Дак во як баба паддзелала» [2, с. 227].

Конечно, встречаются произведения, в которых ключевой компонент сюжетного действия не выходит за пределы происшествия, как, например, в быличке «Заліто», где героиня однажды нашла стену своего дома залитой сметаной. Не зная наверняка, что стало причиной такого необычного происшествия, она может только предполагать, что, скорее всего, здесь не обошлось без колдовства и «гэта, мабыць, уздзеяно» [2, с. 232]. Однако таких произведений немного. Как правило, и у рассказчика, и у героев быличек нет никакого сомнения в том, что в данном случае имело место вмешательство сверхъестественных сил.

Рассказчик – наиболее характерная для быличек субъектная форма организации речи. Он рассказывает о неожиданном, необычном и страшном происшествии, которое произошло с ним или хорошо знакомыми ему людьми, свидетельства которых заслуживают доверия: «Некалі на Яна прыходжу я ранкам у сцепку да судзіны браць муку. Калі пагляджу я туды, ажно там сядзіць, вылучышы вочы, некая велькая чорная рапуха. Яна чыста ўкачалася ў муку і паглядае на мяне, спяршэў я спалохалася, але потым, апамятаваўшысь, што цяпер Яна, я дагадалася, што гэта не рапуха, а ведзьма...» [2, с. 227]; «Сядзімо мы раз у карчме, пакурваем люлькі да гамонім аб том, аб сём. Толькі ось улазіць Купрэй і пачынае жаліцца, што яго коні ноччу хтось заезджае ў хляве...» [2, с. 169].

Использование субъектной формы рассказчика создает эффект получения слушателем сведений «из первых рук», что дает дополнительные основания для восприятия их как вероятных, особенно если в текст включены убедительные заверения: «Я сама бачыла от гэтымі самымі вачыма, што на вас пазіраюць. Далібо, што праўда, каб я так свет божа аглядала...» [2, с. 231]. Кроме того, она позволяет слушателю пережить вместе с рассказчиком всю неожиданность и жуть происшествия, о котором рассказывается в быличке: «На другую ноч пайшоў я з сябрам разам пільнаваць коней. Запалілі мы грамнічную свечку, накрылі яе горшчыкам, узялі з сабой свянцонае вады да сядзім, чакаем, покуль з'явіцца ён сам. Толькі ось каля поўначы й пачалі коні біцца да тупаць. Адкрыў гэта сябер свечку, зірном мы, аж на конях сядзіць сівы дзед з доўгаю барадою да толькі іх паганяе. От я як крапануў яго свянцонаю вадою, дык ён і знік. Назаўтра павесілі мы ў хляве сароку, а больш нічога. От з тых часоў не чапае коней» [2, с. 170].

Реже встречается в быличках форма повествователя. Обычно она используется для сообщения о том, какие бывали случаи столкновения со сверхъестественным. В таких рассказах, как правило, нет ссылок на личную известность участника происшествия, не называется имен. Герой представлен как «некий человек», «один человек», «одна баба» и др.: «Некалі панскі хурман рана на Яна вёў на выган коні і забачыўшы, што ведзьма рушнічком збівала росу, ён давай яе дражніць і абаганяць росу абруцею. Прыйшоўшы да двара, ён павесіў обруць ў стайні на калочкі. Калі зойдзе ён сюды зноў чэраз паўгадзінкі, ажна ж там нацекла із обруці цэлая каложына малака...» [2, с. 225]; «Адзін чалавек, ідучы познім вечарам, убачыў на полі нейкую істоту. Падобная да чалавека, але не мела на сабе шкуры і былі відаць усе ўнутранасці. Гэты чалавек так перапалохаўся, што захварэў на сухоты і неўзабаве памёр» [2, с. 180].

Быличка воссоздает картину мира, в центре которой находятся взаимоотношения человека со сверхъестественными существами и явлениями. Их опасность для человека, естественно, внушает героям быличек страх: «...Спалохалася мая кабета. Валасы на ёй дыбам сталі – страх...» [2, с. 145]; «...Ён у страх, яму аж валасы дыбам сталі, – думае, што гэта нячысты...» [2, с. 221]. Передается это чувство и слушателю, причем не только из-за жути описываемого происшествия, но и благодаря напряженности самого повествования. В некоторых произведениях, прежде чем перейти к происшествию, рассказчик предупреждает, что будет рассказывать о страшных вещах. Такое начало сразу создает соответствующее настроение у слушателя: «Ці вы ведаеце, – не пры нас гавораць, – што гэта за ліхо – мара? Калі самі не ведаеце, та мо хоць

чулі ад людзей. А от мне так трапілася самому бачыць на вочы гэстую пачверу. Ну й пачвера ж, мае браткі! Але ось я раскажу па парадку, як тое было...» [2, с. 180].

Встреча героя былички со сверхъестественным существом почти всегда неожиданная, внезапная. В тексте эффект неожиданности создается за счет использования наречия «вдруг», а также частиц «аж», «ажно» и др.: «Быў раз у чацвер Святы Мікола. Усхапілася яна назаўтра, у пятніцу, з першымі пеўнямі, села за прасніцу, схапіла верацяно да давай круціць так, што аж гудзе. Але ось чуе яна, што хтось бразнуў у вакно. Зірнула яна туды, аж пад вакном стаіць старэнькая баба, да такая старэнькая, што чуць на нагах трымаецца. І пытае яна тую маладзіцу, чаму яна так рана прадзе да яшчэ ў святую пятніцу...» [2, с. 141].

Наиболее обостренные моменты действия акцентируются в рассказе благодаря использованию глаголов в форме настоящего времени: «...Прала яна, прала раз, аж да паўночы. Удзуг *чуе*, што нехта *стукае* ў вакно. Так яна *пытае*: «Хто там?» Ён і *кажа*: «Я прынёс табе, кабета, работу». Спалохалася мая кабета... » [2, с. 145]. «...Вяртаўся ён аднойчы ў сваю вёску, і прыйшлося яму праязджаць праз могілкі. І вось *едзе* ён на кані, аж *бача*, што па могілках *ходзіць* нейкі чалавек у чорным...» [3, с. 37].

Важную роль в быличках играют диалоги, истинный смысл которых для героя раскрывается позже, когда он догадывается, что собеседник – необычный человек.

Таким образом, эстетическое отношение фольклорного «автора» к героям быличек, переживающим мистический случай, выражается в произведениях с помощью образной и речевой детализации, которая вызывает соответствующие сильные эмоции и у слушателя – неожиданное столкновение со сверхъестественным представляется пугающим, опасным, нежелательным.

Бібліаграфічныя спасылкі

1. *Конан У. М.* Гісторыя эстэтычнай думкі Беларусі. У 3 т. Т. 1. Х ст. – 1905 г. Мінск: Беларуская навука, 2010.
2. Легенды і паданні / склад. М. Я. Грынблат і А. І. Гурскі; рэд. тома А. С. Фядосік. Мінск: Беларуская навука, 2005.
3. *Новак В. С.* Міфалогія беларусаў: вуч. дап. для студ. філал. спец. вуч. Гомель: Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт, 2005.
4. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. Т. 3. Гродзенскае Паямонне / пад рэд. Т. Б. Варфаламеевай. Мінск: Вышэйшая школа, 2006.